

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Константинова Н.В. — «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога // Филология: научные исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.68844 EDN: FBOLWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68844

«Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога

Константинова Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0002-7329-9977

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3

✉ scribe2@yandex.ru

[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.68844

EDN:

FBOLWI

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2023

Аннотация: Предметом исследования является малоизвестный широкому кругу читателей пародийный текст известного филолога, автора фундаментальной монографии о «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, В. В. Сиповского (псевдоним – В. Новодворский) «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» как пародия на повествовательную модель травелога. Цель исследования – определить специфику описания сентиментальной повествовательной модели травелога в произведении В. Новодворского (В. В. Сиповского), охарактеризовать авторскую рефлексию о способе организации повествования в пародийном тексте о путешествии. Теоретической базой исследования послужили работы Ю. Н. Тынянова, А. Шенле, В. М. Гуминского, О. В. Кублицкой, Ю. В. Шатина, И. В. Банах, посвященные

теории пародии и анализу повествовательной структуры пародийных травелогов. Для осмысления специфики пародии В.В. Сиповского на сентиментальную повествовательную модель травелога используются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный. Научная новизна исследования заключается в особом материале, который выражает точку зрения автора-филолога, исследователя «карамзинского канона» в жанре травелога, что позволяет обнаружить «общие места» сентиментальной традиции, существенно модифицированные в 30-е годы XIX века под влиянием новых литературных тенденций. Анализ способов самовыражения писателя-литературоведа в процессе создания пародии выявляет исследовательскую рефлексю не только на уровне литературной игры, но и через моделирование повествовательной структуры текста, в которой не только пародируются этапы путешествия главного героя, Эраста Крутолобова, «событие путешествия», но и выражается амбивалентность представлений о «событии рассказывания» о путешествии, противопоставляются сентиментальная повествовательная модель и реалистическая.

Ключевые слова:

пародия, травелог, сентиментальная повествовательная модель, Сиповский, автор, путешествие, исследовательская рефлексия, способы авторского самовыражения, XIX век, Новодворский

В современной науке пародии на травелог становятся объектом исследования чаще с целью выявления модификации жанровых признаков, в контексте описания эволюции жанра в историко-литературном процессе. При этом анализу специфики организации повествовательной структуры текста о путешествии редко уделяется внимание. В то же время многочисленные пародии на «чувствительные путешествия» в русских травелогах первой трети XIX века [\[2, 7, 8, 10, 13, 19, 12\]](#) наглядно демонстрируют кризис сентиментальной поэтики, «слабость» и несостоятельность «общих мест» «карамзинского канона». Чувствительность, субъективность восприятия мира рассказчиком доводится до абсурда, что приводит к исчезновению основного события травелога – перемещения героя в пространстве, перехода из своего в чужое, неизвестное. Ставится под сомнение и истинность (фактологическая точность) самой истории путешествия, изложенной в тексте, допускается вымысел, фантазия, игра воображения, как следствие безграничной свободы, дарованной «чувствительному путешественнику» как создателю травелога. В связи с этим возникают варианты феномена путешествия – «путешествия до путешествия», «путешествия без путешествия», «путешествия по знакомой улице», «воображаемого/фантастического путешествия», нивелирующие факт достоверности происходящего, что определяло фундамент жанра. Выведение на первый план пишущего/повествующего субъекта – «чувствительного путешественника» – постепенно разрушает жанровые признаки травелога, «исповедь о себе» как о меняющейся личности (физически и духовно) под воздействием перемещения в пространстве, обновления превращается в формальный бытовой разговор о незначительном событии. Указанные особенности актуализируют важные исследовательские задачи – определить, какие элементы сентиментальной повествовательной модели травелога подвергаются пародированию, как выражается авторская рефлексия о способе организации повествования в пародийном тексте о путешествии.

В исследовательском поле существуют разные подходы к описанию пародийных текстов в заявленном аспекте. Так, выделяя в русских травелогах «пространство иронии», А.

Шенле в качестве основного объекта пародий на произведения Стерна выделяет принцип изменения традиционной модели повествовательной структуры текста о путешествии: событие путешествия сводится до минимума, до незначительных встреч, зато «дается полная свобода воображению путешественника» [21, с. 152]. Обращение к анализу пародийных текстов Вельтмана и Сенковского в контексте описания эволюции жанра в первой трети XIX века позволяет сделать похожее замечание и И. В. Банах: «...сентиментальное путешествие "изживало" себя своими же собственными возможностями, разрушая само представление о событии в путешествии как изменении исходной топологической структуры, и явило образец бесфабульного повествования – путешествия без путешествия» [1, с. 79]. В.М. Гуминский объясняет возникновение пародийных путешествий как продолжение «диалога русской литературы (культуры) с западноевропейской» [6, с. 129]. На кризис авторской идентичности в русских травелогах 1830-х гг. (на материале пародийных текстов Вельтмана и Сенковского) обращает внимание и О. Ю. Осьмухина, выделяя феномен «авторской маски» [15]. Разрушение традиционной модели травелога представлено и в популярном произведении И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'энтранже» [13], материалом для которого послужила реальная поездка Мятлева по Европе (1836-1839), а именно по Германии, Швейцарии, Италии и Франции. По мнению Ю. В. Шатина, «Мятлев взрывает жанр изнутри, разрушая его целостность, заменяя ее коллажем и достигая тем самым эффекта травести травелога» [20, с. 271]. Особенности повествовательной структуры пародийных текстов уделяет в своих исследованиях О. В. Кублицкая (Мамуркина), выделяя в качестве основного объекта пародии в травелогах Н. Брусилова [2] и анонимного автора [8] тип рассказчика – «чувствительного путешественника» [9, 11, 12]. По известному утверждению Ю. Н. Тынянова, «пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, ограниченнее этот второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность» [18, с. 26]. Опираясь на фундаментальное исследование ученого, определим, что «вторым планом» в пародийных русских травелогах первой трети XIX века становится сентиментальная повествовательная модель. Используя структурно-семиотический и герменевтико-интерпретационный методы исследования, проанализируем принципиально новый вариант пародийного текста.

Указанные тенденции становятся объектом филологической авторской рефлексии в собственном пародийном тексте одного из ключевых исследователей «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина [17], В. В. Сиповского – «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» [14], изданном в 1929 году под псевдонимом В. Новодворский. По мнению А. Ю. Веселовой, «роман Сиповского в пародийной форме иллюстрирует отражение литературной борьбы идеализма и реализма в общественной жизни начала XIX века и роль сентиментализма и его создателя Карамзина в истории развития русской литературы» [4, с. 66]. Этому аспекту посвящена и отдельная работа литературоведа [16].

Текст В. В. Сиповского – своеобразная «литературная игра» с предшествующей традицией, на что указывает обилие реминисценций разного рода, представленных уже в заглавии. Нас же будет интересовать произведение о путешествии Эраста Крутолобова как пародия на травелог, выражающий точку зрения автора-филолога, исследователя «карамзинского канона», его влияния на формирование жанра в первой трети XIX века.

В этом отношении «Путешествие Эраста...» рассматривается как пародия на ключевые элементы – «общие места» сентиментальной традиции путешествия, на сентиментальную повествовательную модель в целом. Выбрав форму травелога, В. В. Сиповский демонстрирует в свою очередь индивидуально-авторский вариант переосмысления как литературной традиции XIX века, так и документальной, выделяя с помощью пародийного дискурса универсальные модели. В связи с этим можно констатировать, что авторское Я произведения об Эрасте включает в себя и биографического автора, который решает скрыться за псевдонимом В. Новодворский, и автора-филолога, профессионально ориентирующегося в поэтике травелога, и субъекта повествования, представляющего историю путешествия определенного типа («в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия»).

В небольшом предисловии «От автора» сообщается, что «материал для рассказа: «Путешествие Эраста Крутолобова» почерпнут из мемуарной литературы 30-40 гг., а также из романов и повестей той же эпохи. Цель автора была показать некоторые стороны быта обыкновенных людей того времени. Ради обострения занимательности рассказу придан авантюрный характер, а также сознательно допущены некоторые анахронизмы» [\[14, с. 182\]](#). В комментарии обращает на себя внимание, во-первых, временной период XIX века, выделенный также и в заглавии – 30-е годы. Во-вторых, принцип отбора материала и цель автора выражают стремление соотнести литературное и документальное, достоверное и вымышленное, с помощью чего указать на типичное.

Соотношение литературы и действительности становится одной из проблем, над которой рассуждает главный герой произведения – Эраст Крутолобов. В финале, после завершения путешествия, он, несмотря на увещевания матери, отказывается писать об этом: «О своем сентиментальном пешеходном путешествии по Малороссии Эраст ничего писать не хотел. Перечитав "Путешествие по Малороссии", сочиненное прадедом, князем Шаликовым, он нашел, что ничего общего между этим сочинением и украинской действительностью нет» [\[14, с.181\]](#). Однако отказывается Эраст писать только в жанре травелога, тогда как «литературные темы» он с матерью обсуждает. Пародийное описание «литературной деятельности» Эраста (все возникает и завершается только на уровне проектов) выявляет наиболее популярные для литературного сентиментального канона сюжеты: «о бедной Палаше, похищенной гусаром»; «о злосчастной Полине, жертве родительского произвола»; «о насильном браке Эраста (или самоубийство от чувствительности)»; «о кусте герани» (о любовном разочаровании чувствительной старой девицы). Показательно, что такой выбор сюжетного репертуара соотносится не только с самой литературной традицией сентиментальных путешествий, но и с пародийными вариантами на нее. Так, например, четвертый сюжет – «о кусте герани» – очевидно коррелирует на уровне многочисленных реминисценций с произведением А. Вельтмана «Путевые впечатления, между прочим горшок герани», опубликованном в 1840 году в журнале «Сын Отечества» [\[14, с.181\]](#).

Особый интерес вызывает пародия на тип «чувствительного путешественника», который воплощен В. В. Сиповским в Эрасте Крутолобове. 30-е годы XIX века описаны как период символической гибели этой модели путешественника в эволюции травелога. На это указывает и мистификация гибели Эраста в процессе путешествия, и название возможного литературного сюжета – «самоубийство от чувствительности», и реакция окружающих на поведение героя.

Имитация смерти Эраста в финале с целью избавить его от нежелательного брака с Агриппиной Антоновной Запеканковой по сюжету текста уподобила его с другим героем

– Виктором – олицетворением типа «юного Вертера, умершего от несчастной любви»: «Горе сближает людей, и Крутолобова старшая оценила искренность горя «невестки», повела ее на кладбище, на могилу Виктора, но никак не могла ей втолковать, чья это могила, и Крутолобова младшая так и не поняла, почему ее туда привели. Первая мысль была, что ее привели на могилу Эраста» [14, с. 177]. Пародийное сближение, «замена/подмена» одного героя другим, показано через позицию матери, невесты – типичных сентиментальных героинь, как знак абсурда, наивысшего предела чувствительности, реакции на «тоску души».

В тексте В. В. Сиповского объектами пародии становятся все элементы типа «чувствительного путешественника» – от именованного до указания цели поездки, описания способов перемещения в пути, маршрута, финала события.

В сцене знакомства с гусаром Эраст себя презентует особым образом: «Эраст Крутолобов, дворянин, путешествую по Российской империи для пользы и удовольствия» [14, с. 119]. Установка, очевидно, выражает главный принцип сентиментального путешествия, причем характерный именно для «карамзинского канона», что и описывает в своей монографии В. В. Сиповский. В противоположность Стерну Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» пытается сбалансировать рациональное и эмоциональное начала, одновременно характеризуя «жизнь души» путешественника и удовлетворяя интересы разума – «для пользы и удовольствия».

Путешествие Эраста, своеобразного дворянского недоросля, воспитанного в глубокой провинции, в деревенской глуши, профанируется с самого начала повествования: в сумасбродной голове матери, Гликерии Анемподистовны, внучки Петра Шаликова, рождается план «чувствительного путешествия» сына в страны «сivilизованные». Сознание матери представлено как сформированное на «опытах Н.М. Карамзина и Петра Шаликова», благодаря чему она знала «как развивает путешествие молодых людей». Диалог матери с наставником Ментором иронически раскрывает необходимость соединения чувства и разума в сентиментальном каноне: «Путешествие необходимо для чувствительного сердца, – ораторствовала она. И для ума, жаждущего знаний, мадам! – добавлял лукавый Ментор... я приложу все усилия, чтобы обогатить чувства и разум моего дорогого воспитанника» [14, с. 26]. Кроме того, в качестве необходимого атрибута путешествия в разговорах героев выделяется значимость создания сочинения о нем, обязательно в форме писем: «...в духе Стерна... Лаврентия Стерна: "Письма двух чувствительных путешественников, или Телемак XIX столетия" <...> Мы напечатаем потом это произведение» [14, с. 26]. Восторженные размышления героини обнаруживают определенную схему чувствительного канона в жанре травелога начала XIX века: совершение путешествия из провинции в столицу ради пользы и удовольствия, написание сочинения об этом событии и публикация его в известном журнале для прославления имени, получения статуса автора/сочинителя.

Пародируется в романе В.В. Сиповского и сама категория «чувствительности», способы ее выражения разными героями, степень проявления. Наиболее «чувствительной» героиней, безусловно, показана мать Эраста, однако способы выражения представлены разные. Так, в процессе подготовки к путешествию сына она выбирает очень расчетливый и повседневный, низменный, способ получения денег – выбрать наиболее красивых дворовых девок и продать их любвеобильному соседу: «Чувствительность не препятствовала Крутолобовой заниматься продажей "живого товара". К тому же она была убеждена, что для простой крепостной девки попасть в графский балет или хор, или даже гарем было верхом благополучия» [14, с. 31]. «Чувствительность» натуры

Гликерии Анемподистовны проявляется и в способе создания писем. Чтобы обеспечить сыну хороший прием в Москве, она по дворянской традиции пишет письма дальним родственникам: «Это писание заняло несколько дней, так как письма писались чувствительные и длинные-длинные, даже с выписками из дневника, с сладкими воспоминаниями о прошлом, с радужными мечтами о будущем» [14, с. 32-33]. Стиль и содержание этих писем становится впоследствии объектом насмешек в столичном светском обществе: генеральша Епанцова читает вслух несколько фрагментов, что вызывает всеобщий смех. Основной причиной такой реакции становится полное несоответствие чувствительности и реальности, возвышенного и бытового: «Решительно ничего не понимаю!.. Телемак? Ментор?.. Эраст... умиления... сладостные мечты... цветы граций ... девка Палашка... гуси и поросята...» [14, с. 82]. Абсурдность содержания писем матери Крутолобова резюмируется генеральшей следующим образом: «Поздравляю! Сейчас приехал ваш кузен из провинции – чувствительный путешественник, и привез свою “прекрасную душу” и Палашку с поросятами» [14, с. 82]. Однако смех вызывает не только комическое сочетание возвышенного и бытового в послании провинциальной родственницы, но и сам факт появления Эраста в Москве в качестве именно чувствительного путешественника. На этом этапе развития сюжета пародийного текста актуализируется временной период, указанный в заглавии – 30-е годы XIX века, переломный этап как в историко-литературном процессе, так и в бытовой жизни. Сентиментально-романтические идеалы уходят в прошлое как нечто нежизнеспособное, неправдоподобное, противоречащее реальности. Факт разрушения канона фиксируется и в тексте В.В. Сиповского. Генеральша Епанцова выражает однозначно отрицательную реакцию на провозглашенный «чувствительный» характер путешествия Эраста, номинацию «чувствительный путешественник»: «Узнав, что Гликерия ходит на могилу местного Вертера и хочет из сына сделать ... “чувствительного путешественника”, генеральша покачала головой и сказала: – Ах, как она отстала! Какие в наше время “чувствительные путешественники”!» [14, с. 89]. Хотя и междометие «ах», и обилие риторических восклицаний, и стиль фраз свидетельствуют, в свою очередь, о зависимости от сентиментального канона и самой генеральши. В столичном светском обществе обсуждается стереотипность образа «чувствительного путешественника», в речи героев постоянно используется как устойчивая словесная формула фраза «если вы чувствительный путешественник, вы должны...» знать/читать/писать/понимать и т.д. Показателем шаблонности служит и способ включения номинации типа путешественника в текст произведения: словосочетание чувствительный путешественник всегда употребляется в кавычках. Приведем несколько показательных примеров, в которых используются атрибуты сентиментального канона в жанре травелога: «Уж если вы “чувствительный путешественник”, вы должны эту книгу наизусть знать! Читали Новую Элоизу?»; «Я очень хочу, чтобы вы влюбились ... Ведь если вы влюбитесь, я попаду на страницы вашего “сентиментального путешествия”? Вы ведете журнал? ...» [14, с. 95].

Открыто профанируются и разнообразные способы перемещения «чувствительного путешественника» в пространстве. Путешествие героя из провинции в Москву и Санкт-Петербург описано в виде поездок на всех видах транспорта, доступных на тот период путешественникам. Начинается история об Эрасте с комического описания его неудачной поездки на пироскафе, который он сам соорудил, пытаясь соответствовать столичным путешественникам, затем он отправляется на старом разваливающемся тарантасе в Москву, оттуда едет на дилижансе «Стрекоза» в Санкт-Петербург, где неожиданно попадает в сад в воздушный шар, на котором летит уже в неизвестном направлении. Показательно, что все его способы перемещения завершаются

катастрофой, разрушением транспортного средства, что влечет остановку в пути, необходимость изменения маршрута. Финальное перемещение Эраста на воздушном шаре завершается не только катастрофой и падением, но и приводит героя к необходимости вступить в брак со старой девой Агриппиной Антоновной Запеканка, которую он в момент падения увидел обнаженной у озера. С этого момента в сюжете произведения реализуется вариант сентиментальной истории, которую Эраст с матерью в своих «литературных планах» ставят на 3 место и номинируют «о насильном браке Эраста (или самоубийство от чувствительности)». Новая история начинается с того, что неожиданное падение Эраста со слугой Фролкой на шаре с неба в озеро воспринимается местными жителями как дьявольское наваждение, а сам Эраст сравнивается со Змеем Горынычем. Более того, впоследствии жители окрестили пространство падения путешественника «нечистым» и, глядя на него, постоянно крестились: «Не только в ближайшей деревне, но и в окрестных поместьях все Дули, Кавунцы, Шкворни заговорили о том, что в усадьбе Запеканок "нечисто". Жених прилетел в виде змея, женился на Грипочке Запеканке и улетел, а "шкуру" оставил» [14, с. 173]. А после сообщения о смерти Эраста «не только усадьба Запеканок и они сами, но и само озеро прослыло "нечистым"» [14, с. 180]. Таким образом, финалом перемещения «чувствительного путешественника» в пространстве становится символическое превращение в демонический образ – черта, змея, беглого каторжника («беглого Камчатку»), которое завершается сообщением о его смерти. Мнимое, придуманное семьей Эраста, событие выражает символическую смерть «чувствительного путешественника» как типа героя «сентиментального канона» в травелоге. Вставной сюжет «о самоубийстве от чувствительности» в пародийном травелоге В.В. Сиповского актуализирует смену традиции в 30-е годы XIX века в контексте эволюции жанра в историко-литературном процессе. В финале текста Эраст, вернувшийся домой, «воскресший» как деревенский дворянин после осуществленного «чувствительного путешествия», «стал думать о служебной карьере». Символично, что эту мысль ему подает отец в «светлую минуту протрезвления». В размышлениях Эраста о своей будущей деятельности, роли в социуме начинают появляться образы, представляющие типы героев новой литературной традиции – «натуральной школы», отчасти только связанные с путешествиями: «Хорошо, конечно, быть кучером на «экстре», трубить в трубу... Но еще лучше быть шкипером на пироскафе!.. Не плохо быть и фельдъегерем, которого так боятся станционные смотрители...» [14, с. 181]. Роль же «чувствительного путешественника» остается только как ампула в литературной истории с определенным сюжетом. Описанная В. В. Сиповским борьба идеализма с реализмом воплощается в тексте о путешествии Эраста в виде разоблачения несостоятельности типа «чувствительного путешественника» реальной действительностью, разрушения книжного сознания героя повседневным бытом. Стремясь "подвести социальное обоснование фактам", Сиповский и обращается к конфликту реального и идеального в русской действительности первой трети XIX века, демонстрируя его как столкновение литературных направлений на разных уровнях, в том числе и формальном. Сентиментальный путешественник как тип субъекта повествования в «карамзинском каноне» вымещается в контексте развития историко-литературного процесса в 30-е годы XIX века другими типами – разными представителями социальной иерархии, путешествующими по долгу службы.

Кроме того, «Путешествие Эраста...» В. Новодворского как вариант пародийного травелога актуализирует и проблему автора, выражает особую – филологическую, исследовательскую – точку зрения самого автора, В. В. Сиповского, одновременно представляющего и рефлексию по поводу судьбы «карамзинского канона» в истории

развития жанра травелога в XIX веке, и обобщение «общих мест» жанра, подвергнутых особым модификациям и нивелированию в 30-е годы, и понимание о своеобразии новой повествовательной парадигмы, формирующейся на фоне разрушения сентиментальной модели. «Взгляд» писателя-литературоведа из 30-х гг. XX века (текст Сиповского был опубликован в 1929 году) выражает особым способом понимание кризисного этапа в истории развития жанра: в процессе создания пародии на пародию транслируется исследовательская рефлексия не только на уровне литературной игры, но и через моделирование повествовательной структуры текста, в которой не только описываются/пародируются этапы путешествия главного героя, Эраста Крутолобова, «событие путешествия», но и выражается амбивалентность представлений о «событии рассказывания» о путешествии (сентиментальная модель и реалистическая).

Библиография

1. Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно: Изд-во ГрГУ им. Я. Купалы, 2005.
2. Брусилов Н. П. Мое путешествие, или Приключения одного дня. СПб.: Императорская типография, 1803.
3. Вельтман А.А. Путевые впечатления, между прочим горшок герани // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 35-84.
4. Веселова А. Ю. Карамзинский код в романе В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова» // Слово.ру: Балтийский акцент. Серия Языкознание и Литературоведение. 2016. С. 65-73.
5. Веселова А. Ю. Роман В. Новодворского (В.В. Сиповского) «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» и русская литература XVIII–XIX веков // Русская литература. 2001. № 2. С. 107-115.
6. Гуминский В.М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературный журнал. 2017. С. 74-145.
7. Дмитриев И. И. Путешествие NN из Парижа и Лондона, писанное за три дни до путешествия // Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967.
8. К. Г. Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А** // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. статьи и примеч. В.И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 392-429.
9. Кублицкая О. В. «Мое путешествие, или Приключения одного дня» Николая Брусилова: традиция и пародия в прозе «массового сентиментализма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т.15. Выпуск. 3. С. 663–667.
10. Макаров П. Письма из Лондона // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. статьи и примеч. В.И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 500–516.
11. Мамуркина О. В. «Новый чувствительный путешественник, или моя прогулка в А**»: специфика повествовательной структуры травелога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 124–127.
12. Мамуркина О. В. «Письма из Лондона» П. И. Макарова: травелог как форма литературной полемики // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф.

- № 7 (50). Новосибирск, 2015. С. 130–136.
13. Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969.
14. Новодворский В. Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия. Л.: Красная газета, 1929.
15. Осьмухина О. Ю. Специфика осмысления авторской идентичности в русских травелогах 1830-х гг. // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. № 4. 2017. С. 5–23.
16. Сиповский В. В. Борьба реализма и идеализма в русской литературе XIX века // ИРЛИ. Ф. 279 (Архив В. В. Сиповского). Ед. хр. 65. Л. 14.
17. Сиповский В. В. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
18. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Петроград: ОПОЯЗ, 1921.
19. Чувствительное путешествие в Санкт-Петербург деревенского дворянина // Отечественные записки. 1826. № 27. С. 434-449; Отечественные записки. 1826. № 28. С. 250-272.
20. Шатин Ю. В. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»: травестия травелога // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: сборник научных работ / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. С. 271.
21. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840. СПб. : Академический проект, 2004.
22. Яковлев П. Л. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. М.: тип. С. Селивановского, 1828.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья относится к работам компаративного типа, что весьма продуктивно для изучения истории литературы. Автор останавливается на «Путешествии Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского. При этом оценочный вектор направлен на выявление элементов пародии в пределах сентиментального повествования. Материал нов, интересен, концептуально выверен. Как отмечает в начале работы автор, «в современной науке пародии на травелог становятся объектом исследования чаще с целью выявления модификации жанровых признаков, в контексте описания эволюции жанра в историко-литературном процессе. При этом анализу специфики организации повествовательной структуры текста о путешествии редко уделяется внимание. В то же время многочисленные пародии на «чувствительные путешествия» в русских травелогах первой трети XIX века наглядно демонстрируют кризис сентиментальной поэтики, «слабость» и несостоятельность «общих мест» «карамзинского канона». Чередование теоретических справок с практическими, дает возможность потенциально заинтересованному читателю следить за логикой раскрутки проблемы. Считаю, что стиль сочинения тяготеет к собственно научному типу: например, «выведение на первый план пишущего/повествующего субъекта – «чувствительного путешественника» – постепенно разрушает жанровые признаки травелога, «исповедь о себе» как о меняющейся личности (физически и духовно) под воздействием перемещения в пространстве, обновления превращается в формальный бытовой разговор о незначительном событии. Указанные особенности актуализируют

важные исследовательские задачи – определить, какие элементы сентиментальной повествовательной модели травелога подвергаются пародированию, как выражается авторская рефлексия о способе организации повествования в пародийном тексте о путешествии». Материал имеет законченный вид, работа с текстом «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия» В.В. Сиповского имеет последовательно конструктивный характер. Оценочный ценз взвешен, комментарий вполне убедителен: «текст В.В. Сиповского – своеобразная «литературная игра» с предшествующей традицией, на что указывает обилие реминисценций разного рода, представленных уже в заглавии. Нас же будет интересовать произведение о путешествии Эраста Крутолобова как пародия на травелог, выражающий точку зрения автора-филолога, исследователя «карамзинского канона», его влияния на формирование жанра в первой трети XIX века», или «особый интерес вызывает пародия на тип «чувствительного путешественника», который воплощен В. В. Сиповским в Эрасте Крутолобове. 30-е годы XIX века описаны как период символической гибели этой модели путешественника в эволюции травелога. На это указывает и мистификация гибели Эраста в процессе путешествия, и название возможного литературного сюжета – «самоубийство от чувствительности», и реакция окружающих на поведение героя» и т.д. Данный материал целесообразно использовать в рамках изучения курсов по истории русской литературы XIX века, литературной критике, отчасти теории литературы. Термины и понятия, которые используются в работе, унифицированы, разночтений в рамках этого уровня не выявлено. В заключительной части исследования отмечено, что «описанная В.В. Сиповским борьба идеализма с реализмом воплощается в тексте о путешествии Эраста в виде разоблачения несостоятельности типа «чувствительного путешественника» реальной действительностью, разрушения книжного сознания героя повседневным бытом. Стремясь "подвести социальное обоснование фактам", Сиповский и обращается к конфликту реального и идеального в русской действительности первой трети XIX века, демонстрируя его как столкновение литературных направлений на разных уровнях, в том числе и формальном. Сентиментальный путешественник как тип субъекта повествования в «карамзинском каноне» вымещается в контексте развития историко-литературного процесса в 30-е годы XIX века другими типами – разными представителями социальной иерархии, путешествующими по долгу службы». Библиография к статье объемна, цитации / ссылки даны верно; серьезной правки текста не требуется. Рекомендую статью ««Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия» В. Новодворского как пародия на сентиментальную повествовательную модель травелога» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».